

Л. В. Чернышова
Минск, Беларусь

ОЦЕНКА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В концептуальной (или ценностной) картине мира ценности выступают в виде культурных концептов. Достижением когнитивного подхода является осмысление когнитивных механизмов категоризации явлений реальной действительности, при которой некий предмет, явление, ситуация и т.п. оценивается путем отнесения их к какому-либо разряду. В докладе приводятся примеры оценки в паремиологии путем категоризации, сравнения, коллекций, свойств концептов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паремиология, аксиологичность, концептосфера, концепт, профилирование, категоризация, сравнение, коллекция.

L. V. Chernyshova
Minsk, Republic of Belarus

EVALUATION IN RUSSIAN PAREMIOLOGY

In the conceptual (or value) picture of the world, values appear in the form of cultural concepts. The achievement of the cognitive approach is comprehension of cognitive mechanisms of categorization of the phenomena of the real actuality at which a certain subject, the phenomenon, the situation, etc. is estimated by their reference to any category. The report provides examples of evaluation by categorization, comparison, collections, properties of concepts.

К e y w o r d s: paremiology, axiologiness, conceptosphere, concept, profiling, categorization, comparison, collection.

Принято считать, что оценка содержится в идиомах, так как это социально заостренные знаки, в них оценочный компонент выведен в фокус, паремии же выполняют в основном превентивные функции – они не столько констатируют, сколько предупреждают, поучают, носят назидательный, дидактический характер. Однако предупреждение, поучение всегда следуют за предварительной оценкой. В статье мы покажем, что большинство паремий обладает оценочностью, аксиологичностью, поскольку основная функция этих языковых единиц – характеризующая.

Ценностное отношение в языке фиксируется в оценках различного типа. Многообразие аспектов оценочной семантики определяет обширный диапазон исследовательских подходов к оценочному значению, основных два: коммуникативный (прагматический) и когнитивный. В нашей статье мы используем второй.

Паремиологический фонд языка играет важную роль в формировании национальной концептосферы. Паремии представляют целостную картину мира определенного этноса, содержат в себе правила, нормы и стереотипы поведения, отражают мировоззрение данного народа, его историю, обычаи, традиции, нравы, ценностные ориентиры, в них закодирована культура народа. Пословицы помогают понять, что является главным, важным для народа.

В концептуальной картине мира ценности выступают в виде культурных концептов. Концепт, как показано многими исследователями, не является

одномерным понятием. Он репрезентирует набор различных трактовок одного представления в сознании носителя языка, которые можно назвать «моделями интерпретации» [1] или «профилями понятия» [2]. Понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. Концепты не только мыслятся, они переживаются [3], структура концепта обязательно содержит эмоциональную составляющую.

Достижением когнитивного подхода является осмысление когнитивных механизмов *категоризации* явлений реальной действительности, при которой некий предмет, явление, ситуация и т.п. оценивается путем отнесения их к какому-либо разряду. Обратимся к примерам.

Категоризацию ярко демонстрируют так называемые *биноминативные конструкции*. Так, отнесенность некоторых представлений к сакральным объектам и понятиям сигнализирует об их аксиологичности в русской наивной картине мира: *Бедность – святое дело; Горе от бога, а неправда от дьявола; Повиниться – что богу помолиться; Воля – свой бог; Жребий – божий суд; Смелым бог владеет, пьяным черт качает* и др. То же через другие ценности: богатство – *Сон что богатство: что больше спишь, то больше хочется*; ум – *Хлеб – всему голова*; благородство – *Риск – благородное дело*; культурные эквиваленты – *Сказано – серебро, не сказано – золото* и др.

Особая сакральная значимость в русской паремиологии приписывается родству (*Родство – святое дело*), оно является эталоном в русском наивном сознании: *Баня – мать вторая; Три друга: отец, да мать, да верная жена* и др. Эта сема проявлена и в других конструкциях, например: *Назови мужика братом, а он уж норовит и в отцы; Сам черт ему не брат* и др.

Множество примеров представляют собой оценку какого-либо предмета, признака, действия через другой предмет, признак, действие: *Любовь – кольцо, а у кольца нет конца; Дом – полная чаша; Любить – чужое горе носить, не любить – свое сокрушать; Мало спать – мало жить; Спать долго – жить с долгом* и др.

Биноминативные конструкции служат и для указания на антиценности: *Сила – уму могила; Красота – прах, а воровство – ремесло; Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего дороже* и др. Вторая часть этих высказываний – национально-культурные эталоны.

Специфика русской паремиологии состоит в оценке через негацию: *Голод не тетка: грызет, пока не дойдет; Душа не сосед: есть пить не просит; Любовь не пожар, а загорится – не потушишь; Работа не волк: в лес не убежит* и др. Первая часть этих паремий, по структуре сложных предложений, закрепилась в виде не совсем этимологически понятных сегодня фразеологизмов, вторая часть мотивирует категоризацию.

Оценка заключена и в так называемых *коллекциях* (по Е. Бартминьскому, предметы, понятия, выступающие одновременно и выполняющие какую-либо общую функцию [2]), например, любовь и Бог: *Где любовь, тут и бог*;

сила и закон: *Где сила, там и закон*; гнев и прощение: *Где гнев, там и милость*; смех и слезы: *Кто смешился, тот и слезлив*; стыд и совесть: *Есть совесть – есть и стыд*; терпенье и труд: *Терпенье и труд все перетрут*; огонь и дым (причина и следствие): *Огонь без дыму не живет* и др. Соединение концептов в коллекцию само по себе свидетельствует об их неразрывности и, таким образом, об особом способе оценки.

Образность паремий основана на внутренней форме, которой мотивируется общая целостность их семантики. Но любая внутренняя мотивация содержит в себе *сравнение* как отправную точку когнитивного процесса. Именно сравнение является основой оценки, так как становится эталоном, образцом или, наоборот, антиэталонном идеального качества, состояния, действия, ситуации. Огромное количество примеров демонстрирует способ оценки через сравнение, оно может быть передано сравнительной степенью прилагательного: *Сон милее отца и матери*; *Ключ сильнее замка*; *Нет греха хуже бедности* и др., выражено сравнительным предикатом: *Голый что святой: нужды не боится*; *Счастье что палка о двух концах*; *Клевета что уголь: не обожжет, так замарает* и др., оформлено в виде сравнительного оборота: *Будет цело, как битое яйцо*; *Как ног у змеи, так у плута концов не найдешь*; *Сидеть, как гость*; *Торговаться, как цыган* и др. В сравнениях ярко проявлена специфичность национального мировидения.

В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «я» и «не-я», давая таким образом оценку *своему и чужому*: *Жива – наша, умерла – богова*. Свое чаще всего ближе и лучше: *Своя рука – владыка*; *Чужое и хорошее постыло, а свое и худое, да мило*; чужое всегда дальше, так как оно непонятно: *Чужая душа – потемки* и хуже своего: *Чужой хлеб (мед) горек*; *Чужая слеза – вода* и др. Чужого не жалко: *Чужим добром – подноси ведром*; *Из чужого кармана платить легко* и др.

Тем не менее в русской паремиологии чужое может оцениваться как нечто ценное, желанное: *Чужая беда за сахар*; чужие несчастья квалифицируются как легкие, легче своих: *Чужое горе оханьем пройдет*; *Чужую беду руками разведу*. Поэтому чужое вызывает зависть: *Чужой ломоть лѧком*. Однако желать чужого нельзя, это опасно, так как *Чужое добро страхом огорожено*, такое желание деструктивно: *По чужую голову идти – свою нести*; *Чужие деньги свои съедают*. Поэтому паремиология содержит запрет на чужое: *На чужой каравай рот не разевай!* Наш материал показывает, что в наивном сознании присутствует уважение к чужому, оно даже бѧльшее, чем к своему (правда, такие примеры единичны): *Береги чужое, а свое – как знаешь*.

Окружающий мир в паремиологии часто оценивается при помощи так называемого *оценочного предиката* (термин Н. Д. Арутюновой): *хорошо, добро, плохо, грех, не грех, грешно, не грешно, лихо, не лихо* и др. [4]. В этом случае проводится различие между позитивными и негативными ценностями с народной точки зрения. Первые совпадают с добром, вторые – со злом:

Добро того бить, кто плачет, того журить, кто слушает; В гостях хорошо, а дома лучше; Не грешно, что дано, а что силою взято не свято; Грех воровать, да нельзя миновать; Бедность не грех; Лихо терпеть, а оттерпится – слюбится и др.

В устойчивых выражениях закрепляются типичные фрагменты действительности, переосмысленные так, что они становятся стереотипами поведения нации. Н. Д. Арутюнова отмечает, что суждения о ценностях обычно содержат скрытый императив [5, с. 18]. Именно с этим связано присутствие в корпусе паремий единиц – *императивов*, единиц – *рекомендаций*, возникших из предварительной оценки действительности: *Вези под гору, вези временем и в гору; Временем гони, а временем и сам беги; Не за свое дело не берись!; Выбирай епанчу по своему плечу!; Дружбу помни, а зло забывай!* и др.

Мир вещей познающий субъект сравнивает прежде всего с самим собой, проводя аналогии со строением своего тела, со своими качествами и действиями. В паремиологии можно найти множество тому примеров. Абстрактные понятия, имена концептов, обозначающие неодушевленные предметы:

– антропоморфны: *Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Лень не кормит; Смерть дорогу сыщет; У него совесть в рукавичках ходит; Горе молчать не будет* и др.;

– зооморфны: *Совесть без зубов, а загрызет; Богатство с рогами, а бедность с ногами; Держи язык на привязи* и др.,

– оценка часто производится при помощи метафоры: *Лапоть знай лаптя, а сапог сапога; Все равны бобры, один я соболек; Кулик невелик, а все-таки птица; Выменять кукушку на ястреба* и др.;

– абстрактное представляется как предметное: *Веселого нрава не купишь; У него все причины в одной горсти; Грех не уложишь в орех (мех); Переложил печаль на радость; Спасибо в карман не положишь; Жизнь на нитке, а думает о прибыли* и др.;

– концепты могут выступать как некий локус: *Что в сердце варится, на лице не утаится; От горя бежал, да в беду попал; Быть не в своем уме; Что на уме, то и на языке; Прочь поди, в грех не вводи!* и др.

Многие примеры показывают, что оценка зависит от свойств субъекта речи, выраженных *прилагательными* (в том числе *субстантивированными*): *Холостой брюзжит – женится, женатый брюзжит – кается, старый брюзжит – умирать собирается; Сладки речи, да не лизать их; Неправая нажива – детям не разжива; Большому кораблю – большое плавание или наречиями: Много ума – много греха (а на дурне не взыщут); Много шуму (крику), да мало толку (проку)* и др.

Оценка производится и путем сопоставления свойств: *Каково начало, таков и конец; Красивый (муж) на грех, а дурной на смех; Добрая слава до порога, а худая за порог* и др. В семантике паремий закреплены как *общеоценочные* параметры: *хороший – плохой* (*добрая слава – худая слава*), так и *частнооценочные*, когда предмет оценивается только с какой-либо одной стороны: эстетической – *красивый муж*, психологической, интеллектуальной – *дурной муж*, сенсорно-вкусовой – *сладкие речи* и др.

В русской паремиологии в качестве оценки также используется *антонимия*, например, добро – зло: *Никакое добро до худа не доведет*; правый – левый: *Правая рука по правде живет*; огонь – вода: *Муж с огнем, жена – с водой*; черный – белый: *Из черного не сделаешь белого*; труд – лень: *Труд кормит, а лень портит*; счастье – ум: *Счастье ездит в карете, а с умом идет пешком*; деньги – ум: *Деньги не голова: наживное дело*; красота – счастье: *Не родись красивый, а родись счастливый* и др.

Нельзя не отметить, что оценка, содержащаяся в паремиологии, обычно имеет *двойственный характер*. Амбивалентность может быть проявлена в пределах одной устойчивой единицы: *Счастье – мать, счастье – мачеха, счастье – бешеный волк*, но чаще при сопоставлении нескольких паремий. Сравним, например, устойчивые выражения, содержащие представления о бедности и правде. С одной стороны, *Бедность – святое дело*, правда – высшая ценность: *Правда дороже золота*, с другой – *Нет греха хуже бедности*. Правда не всегда хорошо воспринимается социумом и приводит к бедности: *Говорить правду – потерять дружбу; Правдой жить – ничего не нажить*. То же с деньгами: *Рубль – ум, а два рубля – два ума; Денежка не бог, а бережет*, но *Деньги – железо, а платье – тлен* и др.

Таким образом, материал показывает, что аксиологичность – постоянная (константа) паремии, потому что, во-первых, в паремиях всегда что-то оценивается – человек или окружающая его среда, а во-вторых, многие устойчивые единицы, не имеющие в семантической структуре оценки, все-таки направлены на проявление определенных эмоций у говорящего и слушателя, влияя на оценку предмета высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
2. Бартминьский, Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.
3. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2001. – 990 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 130–274.
5. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

Людмила Васильевна Чернышова
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры славянских языков УО «Минский
государственный лингвистический университет»

Liudmila V. Chernyshova
PhD, Associate Professor of Slavonic Languages
at Minsk State Linguistic University